

«Там же они и расстреливали...»

В центре Рязани, на улице Свободы, напротив педагогического университета им. Есенина, находится примечательный дом под номером 53. Он был построен специально для руководящих сотрудников областного комитета коммунистической партии. В советское время горожане называли его «обкомовский дом»¹.

Просторные квартиры-сталинки, обширные кладовые, милиционеры охраны, линии спецсвязи, секретная доставка калорийных спецпайков, закрытый благоустроенный зеленый двор. Вернее, даже не двор, а фрагменты сада. Сада дореволюционной

¹ Координаты дома: 54 гр. 37' 42.56'' сев. широты, 39 гр. 45' 12.55'' вост. долготы. Остановка общественного транспорта «Педагогический университет».

Рязань, ул. Свободы, д. 53. Жилой дом, построенный специально для руководящих работников Рязанского обкома КПСС. Находится на месте сада купцов Шульгиных. Фото Николая Середы, Рязанский «Мемориал»

усадьбы купцов Шульгиных, на месте которой и был выстроен обкомовский оазис благополучия.

Из мемуаров Анны Михайловны Гарасёвой, политзаключенной 1920-х гг.²:

«...Надзиратели уговаривали меня при встречах здороваться с расстрельщиком Ерохиным, от которого я отворачивалась, когда меня выводили во двор на прогулку, уверяя, что тогда меня

выпустят гулять в сад. А сад был действительно прекрасен и обширен! К саду Шульгиных примыкал сад соседнего домовладения — теперь он стал частью нового рязанского пединститута. Чекисты сломали ограду и соединили оба этих сада, там же они и расстреливали.

Мне рассказывали, что при строительстве обкомовского дома при рытье котлована под фундамент находили множе-

ство человеческих скелетов, так что все нынешние обкомовские работники в прямом смысле слова живут на человеческих костях...

Подследственных чекисты держали на усадьбе купцов Шульгиных, у которых при доме был большой сад и прекрасная баня, из которой сделали внутреннюю тюрьму. Неподалеку от бани стоял небольшой флигелек, там жил их расстрельщик Ерохин, который получал за каждого расстрелянного 25 рублей. (А.М. Гарасёва)

² Гарасёва А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране: Воспоминания анархистки. М. : Интерграф Сервис, 1997. С. 75.

Ерохин был не только расстрельщиком, но и комендантом всего этого хозяйства, от него многое зависело. А его жена Маруся, хорошая женщина, была дружна с нашей Анютой Муратовой: еще до того, как Ерохин стал работать в ОГПУ, они жили в одном доме. Потом Муратовы переехали, но знакомство через жен сохранилось, вот почему Анюта и ходила

Рязанский чекист Александр Ерохин, многолетний исполнитель смертных приговоров.
Фото из архива Евгения Каширина, Рязанский «Мемориал»

к Ерохиной хлопотать обо мне. Она рассказывала, что Маруся давно хотела уйти от Ерохина, постоянно с ним ссорилась, но у нее был маленький ребенок, которого Ерохин ей не отдавал. И ей оставалось только посильно помогать людям, попадавшим в зависимость от мужа. Так, однажды, узнав от мужа, у кого следующей ночью намечен обыск, она пошла и прямо предупредила этих людей. Должно быть, за домом вели наблюдение, и когда ничего не нашли, Ерохину сказали, что их предупредила Маруся. Вернувшись домой, он пытался ее застрелить, но чекистам не выдал...»³

Примечательно, что чекист Александр Ерохин, участвовавший в расстрелах 20-х гг. в Рязани и Рязанской губернии,

³ Там же. С. 77-78.

Рязанский чекист, 1920-е гг.
фото из архива Евгения Каширина, Рязанский «Мемориал»

продолжал свою службу в том же качестве и в 30-е, и в 40-е гг. прошлого века. Его подпись стоит на многих расстрельных актах рязанцев⁴.

«Надзиратели приносили мне книги, а ночами, когда им было скучно, рассказывали о различных случаях из жизни рязанского ОГПУ, в том числе о том, как погиб Булыгин. Когда его подвезли к Рязанскому тюремному замку и сняли с пролетки на носилки, подошел Стельмах, сказал, что нечего с ним возиться, и тут же пристрелил в висок, как скотину. Стельмах, латыш, по их словам, очень любил расстреливать: он брал человека за ухо, оттягивал его и стрелял в висок...»⁵

«Иван Кузмич Е-в видел, как Стельмах, заместитель председателя рязанской ЧК, латыш с черными волосами до плеч, расстреливал двух человек. Он стрелял, спрятавшись за полуоткрытой железной дверью, стрелял плохо, так что те побежали к решетке ворот, трясли ее и пытались убежать. Потом, на том же дворе, вместе с другими Стельмах расстреливал большую группу осужденных за Сапожковское восстание»⁶.

О рязанском чекисте 20-х Стельмахе в своем исследовании пишет и Александр Исаевич Солженицын:

«Это позже придумали прятать расстрелы в ночах, в подвалах и стрелять в затылок. А в 1918-м известный рязанский чекист Стельмах расстреливал днем, во дворе, и так, что ожидающие смертники могли наблюдать из тюремных окон. Был официальный термин тогда: внесудебная расправа. Не потому, что не было еще судов, а потому, что была ЧК...»⁷

*По материалам
Виктора Лозинского,
Евгения Каширина*

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 7. Т. 40. Л. 43-47.

⁵ Гарасёва А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране: Воспоминания анархистки. М. : Интерграф Сервис, 1997. С. 77.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Paris : YMCA-PRESS, 1973.